

СВОЙ ГОЛОС

ЛУЧШИЕ РОЛИ Виталия Логвиновского, исчезая с отыгранными спектаклями, не растворяются бесследно. Они остаются в памяти.

Он играет звонко, широко, щедро, удивляет неожиданными ходами, иногда создавая, добываясь одной цели: чтобы волновал сегодня созданный им образ. Его персонажи чаще всего не первые герои, они не носят громких главных имен. Сказать, что все они представляли интересный творческий материал для артиста, нельзя. Но тем не менее, играя поручика, анархиста, сказочника или солдата, Логвиновский стремится профессионально рассказать об этом человеке все, что он может. И каждый раз старается отыскать и подчеркнуть новизну, свежесть и конкретность образа.

Правда чувств, умение проживать на сцене заново каждый момент — таков актерский почерк Логвиновского. Он конструирует своего персонажа в многообразии художественных средств, иногда парадоксальных приемов во имя раскрытия сути характера, явления, проблематики пьесы.

В природе его таланта что-то от скомороха, от тех артистов, которые умели все и звались лицедеями. Плюс сегодняшнее обостренное чувство гражданственности, творческого подвижничества, одержимости своим делом.

Театр живет в нем не графиком вызовов на репетиции и спектакли, а неумолкающим голосом гражданской совести артиста, постоянными терзаниями по поводу того, что играется и что, увы, не сыграно, хотя самое время выйти на большую, жизненно важную сегодня тему. И вот определилась роль, захлестнувшая его после чтения в холлентиве новой пьесы Гельмана «Мы, нижеподписавшиеся...». Репетируя сегодня шута екатеринских времен (театр ставит сейчас пьесу А. Толстого «Любовь — книга золотая»), дотошно маясь его костюмом и сверхзадачей, он прежде всего озабочен современностью звучания своего героя.

Творческая судьба в Калуге не обошла его ролями наших современников. Они приносили творческое удовлетворение и ставили новые профессиональные задачи.

Не облегчила душу по-своему интересная, характерная роль Кузьмы, сыгранная в спектакле «По сходной цене» с трагикомической окраской, порождающе достоверно.

А вот Мураду, герою пьесы «Похожий на льва» Р. Ибрагимбекова, Логвиновский симпатизировал и защищал его. Тактично и наглядно он вскрыл драму личности, человека, увидевшего вдруг всю свою

жизнь как цель компромиссов. Его Мурад — мягкий, слабый, неуверенный в себе, непрактичный, как ребенок. Импульсивен, неровен в движениях, подчас смешно решителен. Привлекает и интуитивная незащищенность его, и наивность, потому что все искреннее — и признания любимой, и бунт в семье, и робость перед решительным шагом. Мурад победил страх и обрел истинного себя... ценой смерти. Тонкая, углубленно психологическая работа, отвечающая строю и замыслу спектакля.

И почти в это же время он играет Чернявого в комедии «Энергичные люди» В. Шукшина. Приемами эксцентрики, на моторных ритмах. Легкий и поджарый в своем джинсовом костюме, он был плакатно броским, картинным по сути, гарцующим прожигателем жизни, звонкой пущишкой. Фарсовая разработка роли отвечала делачеству и внутренней никчемности одного из «энергичных».

Страсть актера — движение. В самых сложных пластических решениях. Его героям трудно быть статичными. Кажется, он играет каждой клеточкой своей кожи, каждым нервом. И возникает ощущение свободного полета в танце, притягательности природы молодого цыгана Стенко («Медвежья свадьба» А. Луначарского), а за внешней изломанностью, перекрученностью, как бы вывернутостью наизнанку знакомого по кино персонажа Балбеса открылась удивительно непоследовательная душа ребенка («Проис-

шествие в стране «Мульти - Пульти»).

Неиссякаемый творческий потенциал и в любой роли — азарт, погружение в стихию творчества, стихию сцены, стремление выложиться со всей энергией, как можно полнее. Талантливый человек, он все время ощущает недозагруженность и поэтому в любой роли его распирает фантазия, тянет вширь к заполнению своим персонажем как можно большего пространства и времени в спектакле. И так как его порой захлестывает собственная фантазия, крепкая и умная рука режиссера ему нужна, может быть, больше, чем кому-либо другому.

С благодарностью вспоминает Виталий своих наставников-режиссеров, на которых ему «взлезло». Шесть лет под руководством В. Н. Кузенкова в Павлодарском драматическом театре, в Волгограде — с В. В. Борто, в Калугу он приехал вслед за Ф. Г. Сакалосом. После ГИТИСа это была практическая школа жизни на сцене, постижение тайн мастерства. За тринадцать с половиной лет он сыграл 80 ролей, а в пятом театральном сезоне в Калужском драматическом театре им. А. В. Луначарского вышел на 23-ю роль.

Обычно он озабочен не только своим персонажем, но смыслом всего спектакля. В его исполнении игрок-счастливчик Уранов, кажущийся липким и грязным («Касатка»), усиливает пошлую атмосферу дешевого притона, где сомнительна цена удачи. А безликий учитель Вайни пронесит через весь спектакль мечту о том, что увидит разрушенными вековые устои; неспособный на активный протест, он надеется увидеть бунт других («Каменное гнездо»).

Когда в комедии Островского «Бешеные деньги» появляется Василий, плутоватый, корявый, неловкий в быту слуга Василькова, он настолько самобытен у Логвиновского, что вначале ошеломляет и кажется персонажем народного лубка. Но этот «странный» человек — из компаньонов Василькова, из нового делового мира, чуждого и непонятного аристократам. В пантомимической сцене, когда Василий вытаскивает изо всех своих карманов и голенищ сапог неплаченные счета Чебоксаровых, — эффектом отчуждения, явной преувеличенностью приема судится распушенность и паразитизм отживающего потребительского класса. И как всегда решая персонаж основательно и многогранно, артист донесет в Василии не только его народные истоки, но и авантюристическую теперешнюю биографию, и позволит представить будущее такого слуги — в роли приказчика, а то и самого буржуа; слишком уж хитер, ловок и оборотист Василий, чтобы быть только на подхвате.

И невольно вспоминается Габриэль Фастос («Интервью в Буэнос-Айресе» Г. Борзовика), мелкий торговец, ставший в трудные дни для народа Чили опорой реакции. Артисту важно было показать преобразование мелкого человека, наделенного вдруг силой власти. Как отыгрывается он за свою прежнюю зависимость, как наслаждается страхом других, как методично жестоко унижает окружающих, возвышаясь во мнении о себе! Исполнитель тщательным гримом и костюмом показал стремление посредственности казаться значительнее и загадочнее. Серебристый лиджак — вершина вкуса, лысеющая коробка головы, маскируемая прядями, темные очки, завершающие впечатление о маскообразности лица.

И эта замедленность ритмов персонажа, в нем и нарочитая степенность и важность, но большее стремление продлить мгновение, насладиться насилием и властью. Эта страшная фигура в остро гротеском публицистическом решении — само проявление фашизма, делозитого и буднично жестокого сеятеля смерти.

И в этом же самом спектакле страстно и яростно, с горячей верой в будущее Чили в исполнении Виталия Логвиновского фонограммой шла песня о Чили.

Способности артиста многогранны: выпустить стенгазету, что-то нарисовать, подготовить театральный капутник, оформить зал, спеть, станцевать импровизируя — его не приходится упрекать. А теперь вот и фотореклама для театра. Обратите внимание на отличные портреты актеров, фотокадры из спектаклей в зеркальном фойе театра, схватившие и мысль, и форму, и даже символику спектаклей. Это работа В. Логвиновского и М. Пахоменко.

А в случае необходимости Виталий может и театральный автобус повести, ведь работал он трактористом и комбайнером на целине в конце пятидесятых. И в сельскохозяйственном институте два года проучился. Пока не поборола тяга к театру. Окончательно, с полным заполнением души.

И случается истинное счастье. Как встреча с Бенедиктом в комедии Шекспира «Много шума попусту».

Простак, «принцев шут» — согласно отведенной ему в обществе роли, Бенедикт — Логвиновский своей внешностью и поведением соответствовал этому титулу. В небрежении к одежде, прическе, в ленивой расслабленности движений, привычной пикировке остроумами, в нарочитых смеах настроений в угоду окружению — защитная одежда души, показная оболочка тонкой, умеющей глубоко страдать натуры. Он принципиально выделается из толпы не шутством, а трезвостью взгляда на пошлость, несליваемость с общим балаганом. Вынужденный жить в усредненном мире толпы, он имеет силы и мужество не раствориться в ней, сохранить в себе личностное. Тяга к Беатриче — это прежде всего тоска по духовно близкому союзу. Боясь себя и ее, боясь ошибки в выборе, балансируя на грани комического и драматического, Бенедикт в интимных сценах с Беатриче — на такой беззащитной искренности, трепетности и нежности, в прозрачной тишине этих моментов, как будто выключенных другим измерением из обывденного гула среды и укрупненных, что мы ощущаем извечное таинство любви и предопределенности двух сердец.

Острая форма не только не мешает, но помогает раскрытию ума, внутренней глубины и раздвоенности персонажа. А легкое ироническое отношение актера к смешному и здравомыслящему шекспировскому герою делает его близким для нас и волнующе притягательным.

Роль Бенедикта — качественный скачок в творчестве В. Логвиновского. Свидетельство зрелости, правотерности его творческих исканий, предвестие будущих художественных открытий,